

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

10 СЕН 1983

ЧТО И ГОВОРИТЬ, хлопот прибавилось. Заботы самые разные: от здоровья наших четвероногих исполнителей до цвета униформы персонала. Но главное — смотреть и отбирать новые номера и программы, работать с артистами. Кажется, за год немного освоился, хотя к кабинетной службе привыкнуть трудно. Все-таки почти сорок лет провел на арене. Отлично помню, как впервые попал сюда: меня, пятилетнего, привел отец. Цирк ошеломил разительным весельем, праздничностью, постоянным ощущением чуда. Но ни тогда, ни позже я не строил планов по поводу будущей артистической карьеры. А вскоре началась война, я прямо со школьной скамьи ушел на фронт. Наверное, в те трудные военные годы тяга к искусству, к театру особенно обострилась. Демобилизовавшись и вернувшись в Москву, я уже твердо знал, что буду учиться на актера. Экзамены сдавал поочередно во ВГИК, в ГИТИС, училище имени Щепкина, но нигде не был принят. Вот тогда, совершенно случайно, по объявлению «Вечерней Москвы», я и оказался в клоунской студии столичного цирка. Знал, уверен был, что стану циркачом. Но прошли годы, прежде чем наш дуэт нашел свою манеру, свой стиль.

— Наверное, самая дорогая награда клоуну — смех зрительного зала. Уже само появление на арене Никулина и Шуйдина всегда сопровождалось улыбка-ми, аплодисментами. По-видимому, есть в вашем искусстве свои законы, свои «секреты успеха»?

— Я уверен, что коверный клоун должен быть идеально искренним. Он не увлечет зрителя, если будет играть своего героя, а не станет им во время выступления. Наивные клоунские сценки лишь тогда очищаются от безвкусицы и фальши, когда артист сам смеется и плачет вместе со своим героем, когда вы верите, что так бывает. Мне всегда хотелось, чтобы зритель повнимательней присмотрелся к этому медлительному, нескладному человеку в куценом пиджаке и шляпке-канотье, понял его радость и его боль. Когда угловатый, наивный влюбленный из интермедии «Шипы и розы», раздетый догола бессовестным хапугой, нежно протягивал своей любимой букетик цветов, в зале смолкал смех. Для нас это была самая дорогая награда.

— Идет время, меняется публика. Кажется, сегодня ее гораздо труднее развеселить и заинтересовать, чем, предположим, тридцать лет назад...

— Да, зритель стал образованней, похажуй, скептически. Но и наше искусство не стоит на месте, все время появляется новое, более интересное. На I Всесоюзном конкурсе лучших цирковых номеров, где я был заместителем председателя жюри, мы увидели сложные номера, содержательные программы. Почти тридцать лет назад, в 1956-м, сам участвовал в подобном смотре

Он отвечал на бесчисленные телефонные звонки, подписывал деловые бумаги, что-то объяснял администратору, вникал в проблемы дрессировщика и акробата — улаживал, уговаривал, спорил. И все это было отнюдь не репризой или испытанием на быстроту реакции. Табличка на двери сообщала, что я нахожусь в кабинете главного режиссера Московского цирка на Цветном бульваре.

Свой шестидесятый день рождения народный артист СССР лауреат Государственной премии РСФСР Юрий Владимирович НИКУЛИН встретил в Калининском цирке — том самом, где когда-то начинал вместе со своим постоянным партнером Михаилом Шуйдиным. То была, как говорится, прощальная гастроль знаменитого клоуна: он оставил арену, приступил к исполнению новых, непривычных обязанностей...

СУДЬБА МОЯ, ЦИРК!

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

ре и стал дипломантом в жанре клоунады, поэтому могу сравнивать. В выступлениях молодых клоунов хочется видеть больше острой публицистики, реприз и клоунад, имеющих яркую сатирическую окраску, поднимающих актуальные проблемы нашей действительности.

— Мы получили возможность ближе познакомиться с творчеством Юрия Никулина, прочитав книгу «Почти серьезно...». Литературный дебют оказался успешным, а последует ли продолжение?

— Если позволит основная работа, попытаюсь осуществить одну свою давнюю задумку — написать что-то вроде учебника или пособия для клоунов. Правда, ни один учебник, ни один педагог не способен научить всему-всему. Каждый артист должен сам искать свой путь на манеж. Учитель и учебник в этом деле — только помощники, советчики.

— А кого вы могли бы назвать своими учителями в искусстве?

— Память об этих людях очень дорога мне. Это народные артисты СССР Марк Соломонович Местечкин и Михаил Николаевич Румянцев — знаменитый Карандаш. Они бесконечно любили цирк, были ему преданы и любовь свою и преданность стремились передать молодым.

Настало время, и этому я учу своих учеников. Чтобы работать в цирке, надо любить его само-забвенно, на любом посту — и осветителю, и клоуну, и главному режиссеру.

Я сформировался и вырос как актер в той замечательной многонациональной семье, что именуется — советское цирковое искусство. Славу, международное признание нашему цирку принесли представители разных народов. Это узбекская династия канатоходцев Ташкенбаевых, осетинские джигиты Кантемировы и Тугановы, туркменские наездники Ходжабаевы, армянский клоун Леонид Енгибаров и многие, многие другие. Незаурядных мастеров дала каждая республика. Искусством некоторых из них я любовался как зритель, с другими работал бок о бок в одной программе, а это значит, самым тесным образом сотрудничал. Ведь я коверный клоун, весь вечер на манеже. Это сотрудничество, проявившееся в самых разных формах, обогащало меня. Особенно в самом начале.

Известно, что у клоуна любая деталь, любое движение на виду. И чем лучше он владеет своим телом, мимикой, жестом, тем свободнее может быть в творчестве. Мысль простая, но вот лишь один маленький пример. Как-то мне довелось работать вместе с известной узбекской наездни-

цей Лолой Ходжаевой. Не меняя своего облика и образа, я все-таки решил по-своему, по клоунски найти соответствие национальному колориту номера. Попросил участников знаменитого аттракциона «Кадыр-Гулям» научить меня некоторым характерным танцевальным движениям. Выход клоуна имел успех, а главное, отвлекая публику, он помогал артистке подготовиться к заключительной, коронной части ее выступления.

Закончились гастроль, мы разъехались по разным циркам, и уже не требовалось то, чему меня обучили узбекские друзья. Однако много лет спустя я снова вспомнил их с благодарностью. В одном из эпизодов кинокомедии «Кавказская пленница» мой герой танцует перед похищенной девушкой. Танец явно не классический, в книжках не описанный, и режиссер тут вряд ли что-то подскажет. Так отозвалась та давняя цирковая программа...

— Киноактера Никулина зрители впервые увидели в эпизоде фильма «Девушка с гитарой». В дальнейшем ваши отношения с кино складывались на редкость интересно и плодотворно. А как вы сами оцениваете эту сферу своей деятельности?

— После «Девушки с гитарой» и знаменитых лент Леонида Гайдая за мной прочно закрепилось амплуа комика. Как и в цирке, мои герои были нелепы и смешны. Я старался наделять их точной пластикой, заразительным весельем. Безусловно, режиссерам надо было преодолеть инерцию, даже пойти на риск, чтобы пригласить Никулина на совсем иные — очень серьезные, драматичные, с глубоким психологическим подтекстом роли. В фильмах «Когда деревья были большими», «Ко мне, Мухтар!», «Двадцать дней без войны» мне удалось расширить свой актерский диапазон, сыграть те грани человеческого характера, которые цирку все-таки недоступны. И я рад этому.

— Перестав выступать на арене, вы, вероятно, чаще можете выходить на съемочную площадку. В каких фильмах мы увидим вас в ближайшее время?

— Недавно по экранам прошла комедия Юрия Чулюкина «Не хочу быть взрослым» с моим участием. Сейчас заканчивается работа над картиной «Чучело», ее ставит Ролан Быков по повести Владимира Железникова. Фильм о детях, о сложных проблемах нравственности, воспитания, становления личности. Человек, которого я играю, слышит в городе чужаком, «заплаточником», едва ли не сумасшедшим. Но мне очень дороги и близки именно эти, чудные свойства характера Николая Николаевича Бессольцева. Я говорю о бескомпромиссной порядочности, душевной наполненности, способности ощутить чужую боль и радость как свою собственную.

С. ГОРНОВ.

Фото К. КОКОШКИНА.